

Дмитрий Панин — узник Вятлага

В.С. Жаравин

В 2011 году отмечается 100 лет со дня рождения Дмитрия Михайловича Панина (1911-1987), писателя, христианского философа, ученого, чья жизнь волею судьбы оказалась связанной с Вятским краем.

Д.М. Панин родился в Москве, в семье служащих, закончил институт, аспирантуру, работал конструктором конструкторского бюро. Все изменилось 18 июня 1940 года, когда он был арестован, а 15 марта 1941 года было вынесено решение Особого совещания при НКВД СССР: Панина «за антисоветскую агитацию заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет»[1]. Позднее, в автобиографической книге «Лубянка-Экибастуз», Д.М.Панин объяснил, что его арестовали за излишнюю откровенность в разговоре с человеком, которого он считал другом и с которым поделился своими мыслями о жизни в Советском Союзе.

Отбывать наказание Д.М.Панин был направлен в Кайский район Кировской области, в Вятлаг НКВД СССР, один из «островов архипелага Гулага», специализировавшийся на заготовке древесины. О пребывании там писателя рассказывают документы Государственного архива социально-политической истории Кировской области, которые дополняют и уточняют воспоминания Д.М.Панина, написанные спустя почти 30 лет после происходивших событий.

Анализируя лагерный период своей жизни, Д.М.Панин писал: «Иногда мне самому кажется невозможным, что я выдержал выпавший на мою долю жребий. Но мой тяжелый путь был все-таки не худший. В тюрьмах и на этапах я пробыл три года. Благодаря специальности механика, я сумел сократить пребывание на общих работах до шести месяцев. В лесном лагере я не попал на лесоповал».[2]

В Вятлаге Панин работал инженером в механических мастерских 5-го отдельного лагпункта. Время нахождения в лагере совпало с периодом Великой Отечественной войны, когда

все производство было подчинено оборонным нуждам, и в мастерских было налажено производство деталей для мин. Относительно устоявшаяся лагерная жизнь Д.М.Панина была оборвана внезапным арестом 19 марта 1943 года.

В постановлении о возбуждении уголовного преследования отмечалось, что заключенные (приводятся фамилии, в том числе и Панина) «проводят подготовку вооруженного восстания в лагере, готовят совершить нападение и уничтожение военизированной охраны и вольнонаемного состава лагеря, захват оружия, средств связи, железнодорожного транспорта с последующим переходом на сторону фашистских войск»[3].

О самом аресте Д.М.Панин писал: «19 марта 1943 года пробил наш час. В одну ночь чекисты произвели аресты двадцати восьми заключенных на основных лагпунктах. Операция проводилась по правилам и канонам тридцать восьмого года: то же предварительное составление списков, та же внезапность и одновременность, то же соотношение четырех-пяти на одного безоружного, неподготовленного... Всех арестованных в ту ночь связывало обвинение по ст. 58-2, то есть инкриминировалось вооруженное восстание в военное время. Нас ожидал расстрел или десять лет заключения. Большинство из нас в глаза друг друга не видели и о взаимном существовании не слышали»[4].

Первый допрос Д.М. Панина состоялся на следующий день после ареста. На предъявленное обвинение он ответил: «Я говорю совершенно чистосердечно, что никакой контрреволюционной работы я не проводил и, наоборот, своим честным отношением к труду в лагере я стремился реабилитировать себя по первой судимости»[5]. На последующих допросах он также все отрицал.

Все изменилось третьего мая, когда Панину предъявили показания заключенного Салмина, в которых тот утверждал, что он завербовал Панина в организацию и обсуждал с ним подробности восстания. Дмитрий признался, что он слышал об идее восстания, но был категорически против нее как нереальной. Он попробовал отвлечь следователя и рассказал, что он готовился к побегу, для чего изготовил компас. Однако, судя по протоколу допроса, подготовка побега следователя не заинтересовала.

Об идее восстания Д.М. Панин писал в книге: «Петр Салмин, малый не без таланта, боксер, классный шахматист, был сторонником самых радикальных мер. Он был за немедленное вооруженное восстание. Сначала я пытался втолковать ему как инженеру, что в созданной обстановке лагерь с его обитателями представляет собой уравновешенную систему и нарушить это состояние можно только благодаря толчку извне. Восстание будет иметь шанс на успех, например, в случае высадки десанта... Салмин предлагал ворваться в охраняемую казарму, вооружить отряд эзков, захватить паровоз и с его помощью двигаться от лагпункта к лагпункту.

... Несомненно, Салмин трепал языком сверх меры, хотя я его не обвиняю в провокации... Ужасно то, что он своей болтовней запутал многих людей и потом всех назвал на следствии»[6].

Допросы, очные ставки продолжались. Следователи все старались выяснить детали подготовки восстания. Однако Панин никаких «деталей» не рассказывал, только подтверждал или отрицал знакомства и содержание разговоров с тем или другим заключенным. По времени допросы были разные, например, 21 мая 1943 года допрос продолжался с 9-00 до 18-00 часов. Панин не скрывал своих взглядов. На вопрос следователя «Являетесь ли вы монархистом?» он отвечал: «Каких-либо законченных убеждений в этой части у меня не имеется, но иногда в своих рассуждениях я склонялся к монархизму, ибо считал, что русское государство было бы наиболее устроено, жизнь людей наиболее стабильна именно при монархическом строе»[7]. Откровенно говорил Панин и о своих планах: «Я мыслил после совершения побега перейти на нелегальное положение, забраться в глухой район, построить землянку и после этого добиваться соответствующих документов для легализации своего положения»[8].

Свою некоторую откровенность на допросах Панин позднее объяснял так: «Я знал, что если расстрел состоится, то я умру с сознанием, что хотя жизнь моя и прошла бездарно, полная ошибок и спадов, но, возможно, будущий историк скажет спасибо, когда в ворохе лжи и глупых выдумок наткнется на искреннее мнение человека той эпохи. Если же подписанные материалы на расстрел «не потянут», то мои убеждения едва ли повлияют на приговор»[9].

31 июля 1943 года следствие было закончено. В обвинительном заключении было записано: «Панин Дмитрий Михайлович, 1911 года рождения, уроженец г. Москвы из служащих, русский, гражданин СССР, беспартийный, женатый, с высшим техническим образованием, по специальности «инженер-механик», осужден в 1941 году по ст. 58-10 ч.1 УК к 5 годам лишения свободы. Наказание отбывал в Вятлаге. Обвиняется в том, что является организатором и руководителем контрреволюционной повстанческой организации, существовавшей в Вятлаге НКВД, ставившей своей целью разоружение и уничтожение военизированной охраны и организацию вооруженного восстания заключенных, вовлекая в эту организацию новых участников. Совместно с Салминым разрабатывал план осуществления восстания на пятом лагпункте, проводил активную контрреволюционную пораженческую агитацию среди заключенных, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 пп. 2,10 ч.2 и 11 УК РСФСР». [10] Предлагалось применить к Панину Д.М. и еще 17 обвиняемым высшую меру наказания-расстрел, 15 человек-заключить на 10 лет лишения свободы, 2-х человек-на 8 лет, двух человек-на 5 лет.[11] Обвинение вынесли 27 заключенным из 28, так как один умер во время следствия. Прокурор обвинительное заключение поддержал.

Документы отправили на утверждение в Москву, в НКВД СССР. Пять месяцев люди ожидали решение своей судьбы. В феврале 1944 года «Дело о повстанческой организации в Вятлаге НКВД» из Москвы вернули на доследование, мотивируя тем, что обвинение ряда заключенных в подделке продовольственных талонов и получении по ним хлеба не было доказано.

Началось новое следствие. Д.М. Панина на допросы не вызывали, так как в подделке карточек он не обвинялся. 14 марта 1944 года закончили доследование. В новом обвинительном заключении всем предлагалось уже «сниженное» наказание. К расстрелу уже никого не приговаривали, а двоих даже оправдали. Д.М. Панину предполагалось лишение свободы на 10 лет.

Документы долго рассматривались в Москве, и только 19 августа 1944 года приговор был утвержден Особым совещанием при НКВД СССР. Панин получил новый срок и должен был отбывать 10 лет в лагерях, считая со времени второго ареста, т.е. с 19 марта 1943 года.[12]

В своих воспоминаниях Дмитрий Панин описал некоторые детали своего заключения. Арестованные находились в изоляторе в течение всего следствия. На допросы их водили в здание, где размещался оперативно-чекистский отдел лагеря. Панин писал: «Мы топали туда и обратно каждый раз около семи километров. На второй, третий месяц совершать такое путешествие становилось очень трудно, так как силы на тюремном пайке все больше таяли».[13] И далее: «Голод особенно усилился к осени, то был почти шестой месяц моего сидения в изоляторе.»[14] Кроме голода, было и еще испытание: «По окончании следствия создалось впечатление, что чекисты решили со мной разделаться, именно меня держали все одиннадцать месяцев [т.е. до получения первого ответа из Москвы- В.Ж.] с уголовниками, причем с самой страшной их частью-убийцами, которых сразу же после ареста кидали в мою камеру.»[15] Голод и нервное напряжение дали о себе знать, и Панин в состоянии крайнего истощения попал в лагерную больницу. Там, по его словам, он вел «поединок со смертью в самых неравных условиях», постоянно молился и дал обещание Богу в случае выздоровления «постоять за выполнение Его святой воли... С момента моего обета возникла уверенность, которую уже больше никогда меня не покидала. Я знал, не сомневался, был убежден, что Бог сохранит мне жизнь, и у меня хватит умения, воли, чтобы свернуть горы. Я не знал, что мне предстоит, но был уверен в реальности достижения высокой цели, которая вскоре появится».[16]

После выздоровления Панин еще несколько месяцев ждал в Вятлаге решение своей судьбы. Хотя окончательный приговор был вынесен в августе, только поздней осенью он был отправлен на этап в Воркуту. Ехали до Кирова, который встретил его «лютým морозом», там провели несколько дней в старой пересыльной тюрьме на берегу Вятки и поездом через Котлас добрались до пункта назначения.

Затем был Воркутинский лагерь, где он работал инженером. А потом «шарашка», где он познакомился с А.И. Солженицыным и через много лет стал прототипом Сологодина в знаменитом романе «В круге первом». А после отбытия наказания была еще ссылка в Казахстан, в город Кустанай.

После смерти Сталина, в 1954 году, Д.М. Панин подал заявление о реабилитации:

«СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

тов. ХРУЩЕВУ Н.С.

от Панина Дмитрия Михайловича,
1911 года, русский, уроженец
гор.Москвы, инженера-механика,
ссылного г. Кустанай, ул.Ленина,
д.132, кв.3

З А Я В Л Е Н И Е

Прошу разобраться и полностью меня реабилитировать. Я не совершал никаких преступлений и перед Советской властью и Родиной чист.

Мое призвание-творческая работа в области наук и техники. В 1940г. по ложному доносу одного из провокаторов Берия меня посадили и под давлением совершенно недозволенных мер воздействия вынудили меня взять на себя ведение каких-то антисоветских разговоров. Следовательно сам составлял ответы и самыми недозволенными средствами вымогал мои подписи. За полной недоказательностью дело пошло в Особое совещание НКВД, которое мне вынесло 5 лет ИТЛ по 10-му пункту.[17]

Я был полный сил и энергии и творческих способностей инженером, окончил аспирантуру, написал диссертацию, написал 6 научных работ, внедрил в производство новый вид азотирования, получил около десяти авторских свидетельств и с 1935г. работал конструктором (напр. с 1937 по 1940 г. в КБ-25 НБП).[18]

Вражеская рука вырвала меня из числа работников.

Во время войны в крайне тяжелых условиях Вятлага, буквально за счет своего здоровья, из последних сил я и еще несколько заключенных инженеров наладили выпуск хвостовиков сухопутных мин. Я был начальником технического контроля и главным механиком производства и головой отвечал за качество и количество выпускаемой продукции. Несмотря на значительные трудности, успехи нашей работы были большие, и мы выпускали для фронта много десятков тысяч этих изделий.

Вражеская банда (следователи Шаров, Романенко, Курбатов) проводили в Вятлаге поголовное истребление всех полезных и энергичных работников. В 1943 г. пришла наша очередь. В одну ночь взяли под арест 28 человек с разных лагпунктов и стали требовать от нас каких-то безумных показаний. Нас 11 месяцев гноили в ужасном изоляторе, морили бесчеловечно голодом, гоняли совершенно обессиленных за 6 км на допрос, меня специально посадили с полоумным многократным убийцей (знаменитый Лом-Лопата), который стремился довести меня до сумасшествия. Я начисто отрицал все несуразные показания, навязанные и подсказанные следователями доведенным до отчаяния и безумия людям. Но чтобы спасти свою жизнь, я вынужден был взять на себя участие в каком-то феерическом побеге, которой не мог состояться, потому что был создан в воображении следователей-палачей, подлинных врагов Советской власти. Даже Особое совещание дважды возвращало эту липу назад, наконец через 19 месяцев мне зачитали решение Особого совещания НКВД на 10 лет ИТЛ с формулировкой «АСА».[19]

Я честный работник и не на словах, а на деле доказал свою преданность Родине. Так в суровых условиях заключения на Воркуте я разработал новую научную отрасль кузнечного дела: «Времяопределение кузнечных работ», открыл «Закон свободнойковки», решил задачу нормирования кузнечных работ, расчет молотов и пр. Все эти работы прошли государственную экспертизу и дожидаются опубликования и внедрения, но в условиях ссылки я не имею возможности это сделать.

Остальное время работал, главным образом, конструктором. Из этого времени 3 года в особом конструкторском бюро в Москве.

Необходимо исправить последствия преступной деятельности лиц, задавшихся целью вывести из строя, в первую очередь, ценных творческих работников, и создавших для этого самыми грязными и гнусными средствами поток выдуманных дел.

Выпавшие на мою долю испытания значительно подорвали мое здоровье, но несмотря на это, я чувствую в себе достаточно сил взяться за решение сложнейших задач техники.

Для этого мне необходимо:

1. Быть полностью реабилитированным.

2. Дать возможность сразу приступить к творческой работе.

Я молчал 14 лет, но теперь можно называть вещи своими именами, и я со всей непреклонностью буду добиваться справедливости.

Я верю, что наше Правительство преследует благородные цели укрепления и возвеличения славы и могущества нашей Родины.

14 ноября 1954 г.

подпись

/Д.Панин/»[20]

Вскоре последовала и реабилитация.

10 декабря 1955 года президиум Кировского областного суда принял решение: «Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 19 августа 1944 года в отношении всех отменить и дело в отношении Панина Д.М.,... прекратить за недоказанностью».[21]

14 декабря 1955 года копия этого постановления была направлена в УМВД по Кустанайской области для объявления Д.М. Панину. 9 января 1956 года уже из Кустаная в Киров было направлено сообщение, что Д.М. Панин «освобожден от ссылки на поселение в г. Кустанае 31 декабря 1955 года.»[22]

Вот такие невеселые страницы истории жизни писателя и философа Дмитрия Панина связывают его с Вятским краем.

Примечания:

1 ГАСПИ КО ф.П-6799, оп.4, д.СУ-4915, т.1, л.83

2 Панин Д.М., Лубянка-Экибастуз. Лагерные записки.- М, изд. «Скифы».-1991.-с.11

3 ГАСПИ КО ф.П-6799, оп.4, д.СУ-4915, т.1, л.1

4 Панин, с.146

5 ГАСПИ КО ф.П-6799, оп.4, д.СУ-4915, т.1, л.86

6 Панин, с.132

7 ГАСПИ КО ф.П-6799, оп.4, д.СУ-4915, т.1, л.101

8 Там же л.105об-106

9 Панин, с.154

10 ГАСПИ КО ф.П-6799, оп.4, д.СУ-4915, т.1, л.324

11 Там же, с.330

12 Там же, с.334

13 Панин, с.147

14 Там же, с.158

15 Там же, с.164

16 Там же, с.181

17 Статья 58 п.10 УК РСФСР

18 КБ-25 НБП-конструкторское бюро №25 Наркомата боеприпасов

19 АСА-антисоветская агитация

20 ГАСПИ КО ф.П-6799, оп.4, д.СУ-4915, т.4, л.110-111

21 Там же, с.166

22 Там же, с.186

Опубликовано: «Герценка: Вятские записки». - Киров. Библиотека им. Герцена, 2011. - Вып. 20. - С.180 — 185.